

вечности “на аршине пространства”. Но Кириллов утверждает, что на несколько секунд ему удалось почувствовать живую вечность – с того момента ему стало все равно, жить или умереть. Кириллов решает застрелиться для того, чтобы убедиться, что смерти нет и одновременно, чтобы преодолеть страх смерти. Он не думает о том свете, поскольку уже почувствовал и убедился в “здешней живой жизни” – и поэтому он равнодушен к “будущей вечной жизни”. Подобно Раскольникову, Кириллов ставит над собой эксперимент: он хочет создать свою, автономную от Бога вечность, пройти через Голгофу, но обрести вечность сам, без божественной силы. По мысли Достоевского, это единственный возможный способ придать смысл бытию для атеистического сознания.

В “Братьях Карамазовых” Достоевский создает очень сложный и многоплановый образ вечности. В романе ставится вопрос воцерковления, приближения к ортодоксальному православию. С одной стороны, Алеша, Митя, Таинственный посетитель, Зосима идут путем, предугазанным самим старцем Зосимой, его братом Маркелом – познать живую вечность и Бога через жертвенную любовь к людям и покаяние. И чувствуют ее – Алеша – после видения Канны Галилейской, Митя – после сна о плачущем “дите” из народа, Таинственный посетитель – принося покаяние.

Иван, считающий, что он не верит в Бога и вечную жизнь, все-таки рассматривает именно вечность христианскую в анекдоте о философе-атеисте. Над этой вечностью издеваются и черт и Федор Павлович Карамазов. Эту вечность, понимаемую как всемирную гармонию, Иван отвергает как безнравственную, даже если бы она и была возможна. То есть вопрос: есть ли Бог или нет, есть ли вечная жизнь и бессмертие Иван заслоняет другим вопросом: а нужен ли такой Бог, в которого надо поверить? Уже упомянутый атеист ложится на дороге и бунтует, хотя и сам убеждается в действительном существовании вечной жизни – то есть в итоге предпочитает вечность как временную бесконечность “на аршине пространства”. Но пролежав там почти тысячу лет, философ потом встал и пошел – и пропел “осанну”, не пробыв в раю и двух секунд – по мнению черта – “пересолил”. Иван соглашается с ним, что это глупо: если внезапный переход от вечности “на аршине пространства” к райской вечности любви возможен во внутреннем созерцании, в духе, то представить это наглядно, “канонически”, как параллельно существующие вечности Иван не соглашается. Это психологически невозможно, слишком наивно и по-земному; невозможно сразу так стремительно в “консерваторы” перейти. Но черт отвечает, что это – “русская натура” [Т. 15. С. 79].

Зосима может помыслить только добровольный ад – ад душ, которые сами отказываются от любви и живой вечности: “Раз, только раз, дано было ему мгновение любви деятельной, *живой*, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счаст-